

гия). Оставались во Дворце И. Никифоров (с 1557 г.) и Второй Дулов (упомянут как дворцовый дьяк в 1559 г.).¹²⁹

Замыкается список думных и дворцовых людей сокольничим И. Ф. Наумовым (был таковым во всяком случае в июне 1553 г. — летом 1556 г.).¹³⁰ Он, очевидно, был в первоначальном тексте Дворовой тетради. Вероятно, он занимал свою должность на протяжении всех 50-х годов. По списку *М* он был сокольничим в течение тринадцати лет после Ф. М. Нагого и Г. Д. Ловчикова (Нагой был уже к 1551/52 г. окольниковым, а Г. Д. Ловчиков в 50-е годы еще служил по Можайску. Известно, что ловчим он был с 1567 г.).

Итак, текстологический анализ разделов Дворовой тетради, посвященных личному составу Боярской думы, казны и государева двора, позволяет сделать некоторые выводы. Если учитывать разновременность записей в текстах этих разделов, то исследователь получает новые данные по истории формирования руководящих деятелей центральных правительственных учреждений в период реформ «Избранной рады», во всяком случае с 1551/52 по 1559/60 г. Становится возможным поставить некоторые новые вопросы по истории отдельных учреждений, в частности о судьбе так называемых областных дворцов в начале 50-х годов XVI в. Наконец, методический аппарат исследователя делопроизводства центральных правительственных ведомств середины XVI в. обогащается новыми приемами текстологического анализа, которые могут быть использованы как при анализе других разделов Дворовой тетради, так и при работе с разрядной документацией более позднего времени (десятьями, боярскими списками и книгами).

Г. А. ПОВЕДИМОВА

ОБЫСКНАЯ КНИГА 1573 г. ДЕРЕВСКОЙ ПЯТИНЫ

Обыскные книги Новгородской земли уже не раз привлекали внимание историков.¹ Наиболее обширным и интересным источником подобного типа является обыскная книга 1573 г. Деревской пятины.² Сравнительно недавно введенная в научный оборот, она

¹²⁹ РК, с. 182.

¹³⁰ РК, с. 141, 157. — В 1553 г. он так же, как в Дворовой тетради, помещен после дьяков.

¹ Осьмицкий Т. И., Романовский В. М. и Шапиро А. Л. Новгородские обыскные книги второй половины XVI в. — Вспомогат. истор. дисциплины, VII. Л., 1976 (далее — Новгородские обыскные книги), с. 168—169.

² ЦГАДА, ф. 137 по Устюгу, № 117, л. 251—792 об., сст. 131—138. На л. 256—262 — таможенная книга XVII в. по Устюгу.

была использована очень односторонне — лишь для характеристики запустения Деревской пятины,³ между тем книга содержит необычайно богатые сведения о землевладении и землевладельцах всех типов, существовавших в пятине к началу 70-х годов XVI в. Она в какой-то мере восполняет пробел в цепи источников между 50-ми годами и писцовыми книгами начала 80-х годов XVI в., так как никаких других материалов, относящихся к Деревской пятине, ни по 60-м, ни по 70-м годам не сохранилось.

Обыскная книга Деревской пятины — это условное название сборника, содержащего 51 самостоятельную обыскную книгу, из которых 49 относятся к погостам пятины,⁴ а 2 — к городкам Холм и Курск на Ловати. Сборник местами очень плохо сохранился: поля с верхними строками текста осыпались, на оборотных сторонах листа просвечивают чернила, иногда утрачены начало или конец книги, а в описании Шегринского погоста сохранился только один лист (л. 418 с об.), порядок листов перепутан: так, в книге Полицкого погоста листы должны располагаться следующим образом: 396, 307, 393, 394, далее несколько листов утрачено, затем л. 395, 397.

В каждом погосте обыскную книгу писал свой дьячок,⁵ поэтому почерк в каждой книге различный, отражающий индивидуальность писавшего, иногда четкий и грамотный, а чаще — корявый, с ошибками и помарками.

Обыски проходили по обеим половинам Деревской пятины одновременно в 7081 г. По половине Гр. Морозова (северо-восток пятины) сохранились книги 28 погостов, по половине Жихоря Рябчикова (юго-запад пятины) — 21 погоста. Большая часть обыскных книг половины Гр. Морозова имеет буквенную нумерацию (№ 5—10, 16—18, 24—29, всего в 15 книгах), тогда как по другой половине пятины она сохранилась лишь в 4 случаях (№ 3—5, 9). В то же время 17 книг половины Рябчикова содержат полную дату: год, месяц и число,⁶ в книгах же половины Гр. Морозова такая датировка сохранилась только в 5 случаях.

Подробная дата обысков позволяет представить ход «обыскной кампании». Так, в числе первых были описаны Холмский уезд и Семеновский погост. И это не случайно: из дальнейшего мы узнаем, что именно там проживали денежный сборщик Вас.

³ См.: Аграрная история Северо-Запада России XVI в. Л., 1974, с. 64—67.

⁴ В «Новгородских обыскных книгах» (с. 170) неточно указано 40 погостов.

⁵ Например: «а обыск писал преображенский дьячок из Боровичей Ванец Ивана с. Моруева» (л. 553).

⁶ В книгах половины пятины Ж. Рябчикова указаны следующие даты: Холмский у. — ноябрь, Черенчицкий пог. — 25 ноября, Семеновский — 8 декабря, Молвятицкий — 14 декабря, Посонский — 2 января, Жабенский — 8 января, Полоновский — 16 февраля, Буховский — 26 февраля, Курск — город и уезд — 5—6 марта, Листовский — 2 мая, Демань — 13 мая, Устьянский и Рамышевский — 24 мая, Наволоцкий, Сытинский и Понедельский — 30 мая, Напоцкий — 9 августа.

Чудов (помещик Семеновского погоста) и выборный целовальник Вас. Нестеров с. Гирип (староста г. Холма — л. 267), которые возглавляли обыскную комиссию. Следовательно, сначала обыскная комиссия осмотрела «свои» окрестности. Далее обыски продолжались в течение всей зимы, примерно по 2—3 погоста в месяц, вплоть до начала марта. Во второй половине марта и апреле наступил перерыв, вызванный, видимо, весенней распутицей. В мае обыски активно возобновились, а затем на июнь—июль приходится второй перерыв, вызванный летней страдой. Наконец, всего один лишь обыск в начале августа, последнем месяце сентябрьского года. Даты обысков говорят о стремлении сочетать «государеву службу», которая выражалась в работе обыскной комиссии, с климатическим фактором и сезонностью сельскохозяйственных работ. Несмотря на то что не все книги сохранили подробную датировку, сезонная интенсивность проведения обысков прослеживается отчетливо. Итак, по датам обыскных мы устанавливаем, что обыски в обеих половинах пятины продолжались с ноября 1572 г. по август 1573 г.⁷

Полистную скрепу книги производил священник погоста, иногда двое, а в менее запустошенных погостах, как Молвятицкий, Боровичский, Локоцкий и Налюцкий, даже трое (л. 360, 542, 608, 767). Это необходимое условие достоверности обыскной не везде соблюдалось: в книгах 7 погостов «попове руки нет, потому что попа в погосте нет»,⁸ в Сеглинском во время обыска «священники были в отъезде» (л. 488 об.). В обыскной Бельского погоста вместе со скрепой священника неожиданно встречаем скрепу самого «выборного головы денежного сбора» Гр. Ив. Плещеева. Объяснить появление такого «автографа» можно тем, что это был один из первых погостов, осмотренный комиссией, оформление обыскных еще не было устойчивым, допускались отклонения от правил.⁹ На нижнем поле оборотного листа обыскной записан итог пустым обжам, упоминаемым на лицевой и оборотной сторонах листа, но сделанный не рукой погостского дьячка, писавшего книгу, а другим лицом, скорее всего, денежным сборщиком соответствующей половины Деревской пятины. В конце книги эти частные итоги, как правило, суммированы по помещным, монастырским и своеземческим владениям отдельно, а затем записано общее количество пустых обж по всему погосту.

При изучении таких итоговых записей следует отметить две особенности. Во-первых, земля, отписанная на цвкн, нигде не

⁷ «Новгородские обыскные книги» (с. 171) указывают иные хронологические рамки: август 1572 г.—май 1573 г.

⁸ Михайловский, Листовский, Оксоцкий, Усть-Воломский, Кременицкий, Курский и Черенчицкий погосты.

⁹ См. также обыскную Язвицкого погоста: вместо полистной скрепы священник сделал только заключительную запись в конце книги (л. 447 об.). По нашему предположению, именно с этого погоста, где жил сам Гр. Плещеев (л. 442 об.), и начались обыски в половине пятины Гр. Морозова.

выделяется в особую рубрику, подобно монастырской или своеземческой, а объединяется вместе с поместной под названием «порозжие поместья». Например, «всею помещиковых и порозжих поместий впусе столько-то об.» (л. 517, 607, 666 об.). Это свидетельствует о том, что земля, отписанная на цвкн, оставалась в представлении официальных властей землей поместной, «порозжей» от владельца-помещика временно, до нового испомещения. Однако крестьяне, оказавшиеся в «порозжем» поместье, более четко ощущали перемену своего состояния, они называют себя «царевы и вел. князя крестьяне» (л. 458 об., 476, 527, 768), «были поместные, а ныне за государем» (л. 518 об.).¹⁰

Вторая особенность относится к записям владений своеземцев. Мы выбрали обыскные книги, имеющие итоговые подсчеты количества пустых обож по всему погосту и в то же время упоминающие о своеземцах. Только в 8 из 20 таких книг земецкие обжи идут отдельной рубрикой. В остальных 12 книгах они сосчитаны и записаны вместе с поместными обжами. Владение своеземца часто называется «своеземческое поместье» (л. 461, 592 об., 595). Все это свидетельствует об изменении владельческого статуса своеземца во второй половине XVI в. по сравнению с концом XV в., когда своеземец был собственником земли.¹¹ Различие между земецким и поместным владениями фактически исчезло.

Формуляр обыскной книги погоста включает три части: преамбулу, собственно «обыск» — описание запустевших обож и заключение.¹²

Преамбула обыскной состоит из пяти статей.

1. Дата и юридическое обоснование обыска: «по цвкн Ивана Васильевича всея Руси грамоте и по наказу цвкн дьяков Семена Федорова с. Мишурина да Ивана Дорофеева с. Собакина». Это опричный и земский дьяки Новгорода. В обысках Бронницкого (л. 470), Боровичского (л. 542) и Ситенского (л. 565, от 21 декабря 1572 г.) погостов записаны только опричные дьяки С. Мишурин и Вас. Нелюбов Суков. Возможно, что обыски начинались при опричных дьяках, а продолжались затем дьяками обеих половин Новгорода.¹³

2. Имена членов обыскной «комиссии» и цель приезда: «приезжали в половину Деревской пятины Григория Морозова выбор-

¹⁰ В конце XV в. земля, отписанная на цвкн, называлась оброчной (см. НПК, т. I—II), но уже в приправочных книгах 1552 г. термин «оброчная» исчезает и заменяется описательным обозначением — земля «царя и вел. князя, в поместье не отдана» (кн. 17143, л. 54 об., 86 об., 101), наконец, в 70-х годах и позднее повсеместно употребляется новый термин — «порозжие поместья».

¹¹ Ср.: НПК, т. I, с. 843—847 и др.

¹² При анализе формуляра мы руководствовались положениями, изложенными С. М. Каштановым в «Очерках русской дипломатии» (М., 1970), в части, касающейся общих вопросов методики источниковедения.

¹³ Скрынников Р. Г. Опричный террор. — Уч. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1969, т. 374, с. 177—178.

ный денежный сборщик (выборная голова денежного сбору = изблюбленная голова) Григорий Иванов с. Плещеева и выборные целовальники Нечай Грабленой с товарищи», всего 4 человека. Имена «товарищей» не указаны.¹⁴ В половине Жихоря Рябчикова это соответственно Вас. Григорьев с. Чудова и Вас. Гирина.¹⁵ Все они, кроме последнего, были дети боярские из старинных помещиков Деревской пятины. Что касается выборного целовальника Вас. Нестерова с. Гирина (иногда он писался просто Вас. Нестеровым — л. 279, 308), то это был посадский человек из г. Холма.¹⁶

«...приезжали спрашивать и обыскивать священнослужителей — по священству», волостную администрацию, «волостных людей» («волощан») «и всех крестьян погоста» — «по крестному целованию». Эта часть преамбулы в общем виде обращена к тем, кого предстоит «спрашивать и обыскивать».

3. Перечисление объектов обыска. На первом месте среди них находятся «государевы порозжие поместья», а затем все другие виды земель: княжьи (= княженецкие), боярские, владычные, монастырские, церковные, земецкие, далее — «новоприбылые села и деревни, починки и селища, живущие и пустые», и всевозможные угодья — «реки и озера, пруды и мельницы, перевесья, рыбные и бобровые, и звериные ловли», — все это «сколь давно и отчего запустили?». Книги половины Ж. Рябчикова отличает присутствие в этой части преамбулы двух дополнительных формул: «денежных сборщиков даванья грамоты льготные есть ли?» и «обводные деревни в вашем погосте есть ли?». Многие погосты половины Ж. Рябчикова в 30-е годы были поражены моровым поветрием и получили долгосрочную льготу на 10—15 лет,¹⁷ этим, по видимому, и объясняется возникновение формулы о льготных грамотах «даванья» денежных сборщиков, так и оставшейся в формуляре преамбулы.

Вторая группа вопросов относится к крестьянам: «крестьяне с тяглых обож (= с пашни) в бобыли не выходили ли, избывають государевых податей?», а также помещики и их крестьяне «не припущают ли к своим пашням цвкн земель, и сен на государских пустошах не косят ли, и помещики которым угодьем не владеют ли?». Эта часть в книгах половины Ж. Рябчикова заканчивается обычно формулой «скажите вы, игумены и попы, и дьяконы, по священству, а староста и целовальник, и сотские, и пятидесятские, и десятские, и все крестьяне, скажите по цвкн кре-

¹⁴ Об обязательном наличии четырех целовальников см.: Зимин А. А. Россия на пороге нового времени. М., 1972, с. 219.

¹⁵ В ноябре 1572 г. и августе 1573 г. (в самом начале и конце обысков) вместо Вас. Гирина целовальником записан Сава Кузьмин (л. 753, 767, 775).

¹⁶ В обыске 1575 г. он записан старостой г. Холма (л. 267). О принадлежности к посадским торговым людям говорит и этимология его фамилии.

¹⁷ Аграрная история..., с. 41.

стному целованью». В книгах половины Гр. Морозова эта формула упрощена — «и что кому про все ведомо, и слух ваш (= што ваш слух)». Из этой части преамбулы мы видим, что на первом плане стоят интересы «государя царя и великого князя». В то же время подробнейшая детализация объектов обыска почти никак не отражается в тексте обыскной, не соответствует ее содержанию. В описании сплошной «пустоты» странно звучит формула о «новоприбылых» поселениях, нет никаких сведений о «живущих» деревнях, об угодьях, о «княжих и боярских землях», не упомянут ни один бобыль. Помещикам было не до захвата лишней запашки. Как отмечали крестьяне Семеновского погоста, «у помещиков свои деревни пусты, крестьян нет, угодьями... владети некому» (л. 666).

Несоответствие этих статей преамбулы фактическим сведениям обыскной книги указывает на то, что ее формуляр сложился в более раннее время, вероятно в первой половине XVI в., до практики массовых обысков, когда владение могло быть выморочным, но не запустелым.

Обыскным книгам предшествовали более краткие «обыскные списки» на отдельное владение. Такой «список» с элементами, сохранившимися позднее в формуляре обыскной книги, упоминается еще в приправочной книге Деревской пятины 1551/52 г. на выморочную волость Ивана Вас. с. Ляцкого.¹⁸

В начале 70-х годов XVI в. названия «обыскная книга» и «обыскной список» употребляются параллельно, как равнозначные (4 из 49 погостских обыскных книг называют себя «обыскными списками» (л. 423, 461, 502, 586).

4. Имена «жильцов» погоста, присутствующих на обыске. Это священники, волостная администрация и крестьяне. «И в обыску сказал ... поп ... по священству, да староста... да целовальник... и все крестьяне ... по цвкн крестному целованью». Эта часть преамбулы конкретизирует тех, кто обобщенно упомянут во 2-й части. Местную администрацию составляют староста погоста, от 1 до 3 погостских целовальников, такое же число сотских, от 1 до 6 пятидесятских, десятские. По 40 погостам мы насчитали 176 представителей волостной власти. Их социальная принадлежность указана только в 24 случаях — 16 помещичьих крестьян, 7 монастырских, 1 своеземец (см. табл. 1). Зато у рядовых «волощан» социальная принадлежность всегда точно определена: 411 — помещичьи крестьяне, 93 — монастырские крестьяне (в том числе 1 «попов»), 1 — монастырский слуга, 5 своеземцев и четверо крестьян, принадлежащих своеземцам, 40 крестьян цвкн, т. е. оброчных, и 7 рядовичей из Полоновского рядка, всего 561 человек. Эти цифры отражают реальное соотношение землевладельцев в пятине: бесспорное преобладание поместного землевладения и относительно большие размеры живущего монастыр-

¹⁸ Кн. 17141, л. 423. — И. Ляцкий в 1534 г. бежал в Литву.

Таблица 1

Волостная администрация и волостные люди Деревской пятины в 1573 г.

Погост	Администрация				Волостные люди				
	староста	целовальник	сотский, пяти- десятский, десятский	всего	помещичьи	монастырские	земельные	оброчные	всего
Запад									
Буховский	1		2	3	7	10			17
Влажинский	1		2	3				15	15
Курский		Нет сведений			11				11
Листовский	1 ^a		2 ^a	3	8				8
Наволоцкий	1		2	3	3	7			10
Налюцкий	1		3	4	11	6		5	22
Устьянский	1	1	1	3	16				16
Черенчицкий	1	1	2	4		7			7
Север									
Бельский	1		4	5 ^в	4	6			10
Боженский		Нет сведений			3	7			10
Бронницкий	1 ^б			1		28			28
Кременичский	1 ^a			1	9				9
Крестецкий	1		1	2	3				3
Оксоцкий	1	1	4	6	8	2			10
Полицский		Нет сведений			16	5			21
Ручьевский	1	1	1	3	9				9
Усть-Воломский	1 ^a			1	9	1 ^в			10
Холовский	1		3	4	5	3		6	14
Язвицкий	1	1	3	5	9				9
Восток									
Березайский	1	1	3	5	14				14
Боровичский	1	3	19	23	20	2			22
Великопорожский	1		4	5				11	11
Михайловский		2 ^a	3 ^a	5	3				3
Пиросский	1	1	2	4	5				5
Рютинский	1	1	3	5	4				4
Сеглинский	1	1	9	11	19		3	1	23
Туренский	1		2 ^a	3	13				13
Центр									
Еглинский	1	2	3	6	26				26
Локоцкий	1	1	8 ^г	10	18	2			20
Налесский	1		2	3	2		3 ^д		5
Ситенский	1		5	6	18	2 ^о			20
Ужвинский	1		1	2	4				4
Яжелбицкий	1		3	4	26		1		27

Таблица 1 (продолжение)

Погост	Администрация				Волостные люди				
	староста	целовальник	сотский, пяти- десятский, десятский	всего	помещичьи	монастырские	земские	оброчные	всего
Демань									
Деманский	1 ^а		4 ^б	5	16	6		1	23
Жабенский	1	1	3	5	25				25
Молвятицкий	1	3	4 ^а	8	29			1	30
Вельевский	1	1	1	2	5				5
Полоновский	1	1	2	4	12			7 ^ж	19
Посонский	1	1 ^а	1	3	10		2 ^д		12
Семеновский	1	2	3	6	11				11
Итого	36	26	114	176	411	94	9	47	561

Примечания. ^а Помещичьи крестьяне. ^б Монастырские крестьяне. ^в Монастырский слуга. ^г В том числе земец. ^д Сами земцы. ^е В том числе попов крестьянин. ^ж Рядовичи.

ского землевладения (почти каждый четвертый из волощан — монастырский крестьянин). Живущее монастырское землевладение было сосредоточено на севере (Бельский, Боженский, Наволоцкий, Бронницкий погосты) и по западной границе пятины (Буховский погост и Сутоцкая волость Черенчицкого погоста), причем Бронницкий погост остался, как и в конце XV в., исключительно монастырским.

Неожиданным является большое число оброчных крестьян цвкн, которых совершенно невозможно «уловить» в тексте самих «обысков». Сведения о них содержатся только в преамбуле. В Великопорожском и Влажинском погостах на обыске категория волощан представлена исключительно оброчными крестьянами.

Своеземцы стали уже почти «реликтовой» группой земледельцев. Кроме отмеченной тенденции стирания различий между поместным и земецким владениями, можно проследить такой же процесс между своеземцем и крестьянином. В большинстве случаев (5 из 9) своеземцы сами участвуют в обысках наравне с волостными крестьянами, очевидно, ввиду отсутствия своих крестьян. Эта промежуточная группа, стоящая на социальной лестнице между помещиком и крестьянином, подвергалась «размыванию» как с одной, так и с другой стороны.

Каждый волостной человек записан в обыскной за своим владельцем. Следовательно, преамбула сообщает имена реальных помещиков, в отличие от текста «обыска», где часто фигурируют

номинальные владельцы. На этой особенности обыскной мы остановимся далее.

Наконец, здесь же содержатся сведения о волостной организации крестьян в XVI в. Мы видим четкую систему крестьянских выборных: староста погоста и целовальники, сотский (в некоторых погостах их 2 или 3), пятидесятские (в Боровичах — 6) и десятские (иногда до 10 в погосте). Трудно предположить, чтобы среди повсеместного обезлюдения была необходимость в большом числе должностных лиц, скорее всего, это показатель живучести традиции, существовавшей еще до времен кризиса и запустения.

5. Ответы волощан. Пятая часть преамбулы повторяет содержание вопросов третьей части, но уже в «негативном» плане, т. е. на поставленные ранее вопросы здесь следуют стандартные отрицательные ответы: «В нашем, господине, . . . погосте прописных и обводных сел и деревень, мельниц и прудов . . . нет», «полевые земли (=отхожие пашни) в поля не прищипывал никто», «сен не косят и угодья не владеют», «помещиковы крестьяне в бобыли ни за кого не хаживали». Расположение этой части преамбулы в книгах различно: по половине Ж. Рябчикова она следует непосредственно за четвертой частью, ею преамбула заканчивается. В книгах половины Гр. Морозова она вынесена из преамбулы в конец книги, после текста «обыска». Таким образом, в каждой половине пятины формуляр преамбулы, в целом одинаковый, отличался в деталях, дополняясь новыми формулами, отражавшими конкретную действительность, например о льготных грамотах.¹⁹

Вторую, основную, часть формуляра обыскной книги составляет собственно «обыск» — текст обыскной записи, начинающейся с формулы «А в нашем, господине, . . . погосте пусто у помещиков». Далее следуют имя и фамилия помещика, названия его деревень с количеством пустых обож в каждой деревне и годом запустения, почти всегда записана и причина запустения. Записи показывают постепенность запустения: в д. Мокрое «обжа да еще одна обжа» запустели 16 лет назад, пол-обжи — 9 лет, пол-обжи — 8 лет, пол-обжи — 6 лет (л. 719); в д. Сельцо 1 об. запустела от опричнины и луцкой дороги 7 лет назад, $\frac{3}{4}$ об. — от голода 4 года, $\frac{1}{4}$ об. — «от мору» 2 года (л. 721 об.).

Чем определяется последовательность обыскных записей в книге, иначе говоря, что лежит в основе обыскной? Обыскную комиссию, как уже отмечалось, возглавлял выборный денежный сборщик (= «голова денежногобору»), для которого основным «служебным» документом являлась платежница. На нее же нередко ссылки в обыскной книге: «писаны те деревни в платежницах в Ужинском пог., а стоят в Ручьевском» (л. 433 об.), «а в платежнице стоит то поместье в Усть-Воломском пог.»

¹⁹ В обыскной книге Кременецкого погоста третья часть преамбулы дополнена вопросом «про емчужное дело» (л. 421).

(л. 447 об.), «а те обжи стоят в Оксоцком погосте пусты, а в нашем погосте в платежницах стоят» (л. 437 об.). При сравнении описаний 15 одних и тех же погостов оказалось, что и в платежнице 1558 г., и в обыскной 1573 г. порядок записей и их содержание в основном совпадают. Различия определяются только естественными изменениями, случившимися за 15-летний промежуток, разделяющий оба источника.

Для сравнения приводим параллельные записи по Туренскому погосту (табл. 2).

Отметим изменения: Богдан Супонев «сведен в Казань»,²⁰ вместо Василия (№ 2) на поместье его сын Тимофей, у Литвиновых (№ 4) поместье за одним Артемием, а выти его братьев отписаны на цвкн.

Бросается в глаза обширное запустение к 1573 г. всех без исключения поместий, так как обыскная фиксировала только пустые обжи. В то же время платежница указывает нам точные размеры каждого поместья. Зная эти показатели, т. е. размер поместья в обжах и количество запустевших обож, мы можем выявить остатки «живущих» обож и таким образом дополнить обыскную. В приведенном примере «живущее» должно оставаться у четырех помещиков (№ 2, 3, 4, 5 — цифры в квадратных скобках). Наше предположение подтверждается тем, что именно у этих лиц в преамбуле записаны крестьяне (в числе волостных людей), т. е. действительно имелись «жилыцы».

Таким образом, преамбула дает представление не только о крестьянской волостной администрации, но и о наличии крестьян в поместье, что было самым важным условием жизнеспособности поместья и его владельца. «Жилыцы разбежались от государских податей» (л. 307), «сошли безвестно», «вымерли» — постоянный рефрен обыскных записей. В условиях непрерывно растущей тяжести податного пресса²¹ крестьяне могли выжить только в двух случаях — либо поряжаясь на льготу, либо «концентрируясь» во дворе для уменьшения платежей на старую тягловую единицу — обжу. Помещики пытались привлечь крестьян льготами. В преамбуле стандартный перечень вопросов нередко дополняется таким: «денежных сборщиков давания льготные грамоты есть ли?» (л. 775 об.). Так, помещик Савелий Мордвинов с. Ветохтова «по льготной грамоте... свои пустые три обжи в 80-м [году], сея весны вспахал, а крестьян еще не порядил» (л. 417). Иногда раздача льгот была массовой: в Холовском погосте из 132 пустых обож на льготе находилась 81 обжа (л. 460 об., 461 об.). По крестьянским сказкам, в Устьянах на погосте 1½ об. запустело «от помещикова неустройства, потому что

²⁰ О казанской ссылке см.: Скрынников Р. Г. Начало опричнины. Л., 1966, с. 278—288.

²¹ Как подсчитали Т. И. Осминский, В. М. Романовский и А. Л. Шапиро, чаще всего обжи запустевали именно от податей (Новгородские обыскные книги, с. 174).

Т а б л и ц а 2

Сравнение записей в платежной 1558 г. и обыскной 1573 г. книгах по Туренскому погосту

Платежная (л. 214—217 об.)	Обыскная (л. 511 об.—514) [только пустые обжи]	Примечания
1. <u>Богдан Иванов с. Супонева</u> . Холынский пог. $\frac{1}{2}$ об., Пиросский 7 об., Ужинский 1 об., Туренский $12\frac{1}{2}$ об. Все живущие.	1. <u>Богдан Иванов с. Супонева</u> , «а помещик сведен в Казань». Холынь $\frac{1}{2}$ об. — «отписаны к государеве слободе», Пиросский $6\frac{1}{4}$ об., Ужинский 1 об., Туренский $12\frac{1}{2}$ об.	
2. <u>Василий Семенов с. Супонева</u> . Холынский пог. $\frac{1}{2}$ об., Ужинский $1\frac{1}{2}$ об., Михайловский $11\frac{1}{2}$ об., Туренский 14 об. Все живущие.	2. <u>Тимофей Васильев с. Супонева</u> . Холынь $\frac{1}{2}$ об. «отписаны к государеве слободе», Ужинский $1\frac{1}{2}$ об., Михайловский $11\frac{1}{2}$ об. Туренский 11 об. [3 об. живущ.?).	У Тимофея Супонева 1 десятский, 2 волостных человека.
3. <u>Степан Матвеев с. Зевалова</u> . Туренский 18 об. Все живущие.	3. <u>Степан Матвеев с. Зевалова</u> . Туренский 15 об. [3 об. живущие?].	У Терентия Зевалова 5 человек волостных.
4. <u>Сенька, Матвейка и Ортюшка Соболевы д. Литвинова</u> . Туренский 2 об. живущие, 14 об. пусты, Пиросский 5 об. пусты.	4. <u>Артемий Соболев с. Литвинова</u> . Туренский 6 об. [3 об. живущ.?).	У Артемия Соболева 4 человека волостных.
	4а. Цвкн после <u>Семена и Матвея Соболевых д. Литвинова</u> . Туренский 7 об., «а иная пустота писана в обысках Пиросского погоста».	
5. <u>Верига Вешняков с. Качалова</u> . Туренский 6 об. пусты, 1 об. живущая, все на льготе.	5. <u>Верига Вешняков с. Качалова</u> . Туренский 12 об. [2 об. живущие?].	У Богдана Качалова 3 человека волостных.
5а. Цвкн после <u>Осифа Вешнякова с. Качалова</u> . Туренский 7 об. пусты.		

крестьян не берег» (л. 762 об.), «а запустело, что крестьяне бежали безвестно» (л. 783, 784 об.).

Один из вопросов, интересовавших обыскную комиссию, касался бобылей, вернее, крестьян, которые «избываючи тягла сходили в бобыли». Ответа на этот вопрос обыскная не дает, но нам известен и другой способ «избывания» тягла, вполне законный до поры до времени. Это способ «концентрации» — уменьшения запашки на двор при одновременном увеличении населения двора. Яркий пример такой концентрации мы находим в верстальной книге 1592 г. Ярвосольского погоста Водской пятины, где в 10 однодворных деревнях жили 54 крестьянина на $2\frac{1}{2}$ и $\frac{1}{8}$ об., а пустых обож там же насчитывалось $15\frac{1}{4}$ и $\frac{1}{8}$.²²

В 70-е годы этот процесс, конечно, еще не достиг своего апогея, но очевидно, что обжа уже далеко не соответствовала своему старинному определению — «один человек на одной лошади орет».

В заключение надо отметить такую особенность, как несовпадение имени номинального владельца, записанного в тексте «обыска», и фактического — в преамбуле. Например, в обыске фигурирует поместье Степана Матвеева с. Зевалова, а крестьяне называют своим владельцем Терентия (№ 3) или вместо Вериги Качалова — Богдана Качалова (№ 5) (см. табл. 2). Эти расхождения особенно очевидны в тех случаях, когда мы можем привлечь для сравнения еще один источник — приправочные книги Деревской пятины 1552 г. (книги «приправочного письма»).²³

Далее приведены некоторые записи приправочной книги и параллельные им записи обыскной книги (табл. 3).

На этих примерах видно, что человек, умерший больше 20—30 лет назад, в обыскной по-прежнему пишется владельцем, как и в платежной.²⁴ Следовательно, ошибочная запись обыскной обусловлена особенностью платежной, которая лежит в ее основе. Поместные верстания, очевидно, были явлением крайне редким, поэтому поместья обменивали, делили или наследовали, но документальное оформление этих актов для платежницы, как документа строго официального, представляло собой трудоемкую и сложную процедуру. Старого владельца переписывали из одной платежницы в другую (а оттуда и в книги, созданные на основе платежниц, например обыскные) в течение нескольких десятилетий, хотя по установившейся практике наследования помещьем уже давно владел его сын, а то и внук. Имена таких фактических помещиков и сообщают нам крестьяне — волостные люди, записанные в преамбуле. У новых помещиков такого расхождения не

²² Самоквасов Д. Я. Архивный материал, т. II. М., 1909, с. 510—512 (подсчеты сделаны нами).

²³ ЦГАДА, ф. 1209. № 17141, 17143; ф. 137, № 4г.

²⁴ Характеристику платежной см.: Победимова Г. А. Платежница Деревской пятины 1558 г. — Вспомогат. истор. дисциплины, VIII. Л., 1976, с. 211.

Сравнение записей приправочной 1552 г. и обыскной 1573 г. книг

Приправочная 1552 г.	Обыскная 1573 г.
1. <u>Петр Васильев с. Бордуков умер в 7052 г., ныне Ефросинья Петрова жена и дети Елизар 10 лет и Никита 6 лет (л. 112).</u>	1. <u>Поместье Петра Васильева с. Бурдукова (л. 479).</u>
2. <u>Юрий Федоров с. Бутенева умер в 7058 г., ныне его с. Иван (л. 117 об.).</u>	2. <u>Поместье Юрия Федорова с. Бутенева (л. 481).</u>
3. <u>Владимир Андреев с. Телехтемирева умер в 7048 г., осталась жена Фетинья и дети Данила 12 лет, Алексей 7 лет и Василий 5 лет (л. 94 об.).</u>	3. <u>Владимир Андреев с. Телехтемирева (л. 530).</u>

наблюдается. Получив поместье в недалеком прошлом, владелец был записан в платежнице, а следовательно, и в обыскной.

Итак, мы выяснили, что структура обыскных записей предопределялась платежницей. В то же время сведения платежницы дополняются сказками волостных людей: «скажите вы... по крестному целованию», «пустошь на Березае-реке, у моста, а по книгам не ведаем, как ее зовут» (л. 500). В сомнительных случаях обыск был визуальным: выборный голова с целовальниками «взем с собою священников, да старосту и целовальников волостных, и сотских, и десятских, и волостных людей добрых, да на те пустоши ездили и те пустоши осматривали» (л. 580).

Одним из вопросов, на которые также дают ответ обыскные книги, является соотношение различных групп помещиков к 1573 г. Все помещики разделены нами на три группы, в зависимости от времени их испомещения: старые, представители которых были испомещены еще в конце XV в., и их потомки; средние, представители которых встречаются впервые только в книгах 40—50-х годов, новые — появившиеся только в обыскных 1573 г. Из общего количества 1200 поместий новыми оказались только 160 (около 13%), старых и средних примерно поровну. Это говорит о том, что основной состав помещиков сформировался здесь в первой половине XVI в., до опричных перетасовок и «выводов» служилых людей, и сохранился в таком виде до 70-х годов. Около 2 тыс. об. были отписаны на цвкн, в том числе свыше 100 об. отошло «в опричный круг», в опричные волости Стерж и Старую Руссу.

Что представляли собой новые помещики пятины? Среди них можно выделить лиц, перебравшихся в Деревскую пятину из со-

седних Шелонской, Водской и Бежецкой пятии. Особую группу (30 поместий) составляют костромичи и ярославцы, очевидно, «выведенные» из своих уездов после их включения в опричную территорию.²⁵ Местные крестьяне не видели особой разницы между теми и другими, поэтому Богдан Иванов с. Плохово был записан в одном погосте «ярославцем» (л. 695), а в другом — «костромитином» (л. 764), Ратьков, из переяславских вотчинников,²⁶ тоже записан «костромитином» (л. 521). Среди переселенцев из Костромы отмечается совпадение фамилий с помещенными в Деревской пятине еще в конце XV в. — это Баскаковы, Бурдуковы, Чертов, Ярой. Может быть, случаи «вторичного» поместья и объясняются наличием старых родственных связей? Но характерно, что поместья этих «вторичных» сведенцев, как правило, были пусты, с одинаковым комментарием — «сбежали безвестно». Это и закономерно, так как, получая поместья, «порозжие» во всех отношениях, они не могли наладить хозяйство на новом месте. Кроме сведенцев, имеются несколько казанских новокрещен и «выезжие паны» из Литвы. В целом новые помещики — это сплошная служилая мелкота, фамилии которой не упоминаются ни в каких других источниках.

Сопоставимость обыскных с предыдущими писцовыми материалами, а также со всем комплексом источников по Деревской пятине XVI в. дает сведения об эволюции поместья на протяжении 70—80 лет с конца XV в., позволяет выяснить изменения личного состава помещиков, построить генеалогические схемы некоторых поместных фамилий с учетом их служебной деятельности и земельных владений.

Е. Н. СЕРВИНА

УСТЮЖСКИЕ ЛЕТОПИСИ О ВОССТАНИЯХ В УСТЮГЕ ВЕЛИКОМ В XVI—XVII вв.

Перечисляя городские восстания в России XVI в., исследователи в числе их называют восстание 1549 г. в Устюге Великом. Первым, кто упомянул о нем, был не С. О. Шмидт, как считает А. А. Зимин,¹ а С. В. Бахрушин, который в 1952 г., опираясь на Великоустюжскую летопись, изданную А. А. Титовым,² писал: «Имеются сведения о волнениях в Устюге в 1549 г., судя по очень

²⁵ Садиков П. А. Очерки по истории опричнины. М.—Л., 1950, с. 120, 189.

²⁶ Алексеев Ю. Г. Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси XV—XVI вв. Переяславский уезд. М.—Л., 1966, с. 152.

¹ Зимин А. А. Реформы Ивана Грозного. М., 1960, с. 315.

² Титов А. А. Летопись великоустюжская. М., 1889, с. 47.